

НАРОДНЫЕ ПРЕДРАЗСУДКИ И СУЕВѢРЯ.

ЛѢШЕ, РУСАЛКИ,
КОЛДУНЫ, ВѢДЬМЫ

и

ОБОРОТНИ.

М. Н. ПАРУНОВА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

Тысячу лѣтъ тому назадъ, еще за долго до введенія Кн. Владиміромъ Святымъ христіанства, жизнь нашихъ предковъ была конечно далеко не въ такомъ положеніи, какъ въ настоящее время: они были, во первыхъ, въ полномъ смыслѣ, люди темные, къ тому же и свѣта Христова ученія еще не вкусили, — а во вторыхъ, такъ какъ тогда не было ни городовъ, ни нынѣшнихъ селъ и деревень, ни дорогъ къ нимъ, не только желѣзныхъ, но ни какихъ, по которымъ теперь и селянинъ и горожанинъ сообщаются другъ съ другомъ, то понятно, что предки наши были въ полной зависимости отъ окружавшей ихъ природы. Они жили въ дремучихъ непроходимыхъ лѣсахъ, селясь около рѣкъ, которыя и были для нихъ единственными, путями сообщенія, единственными не всегда удобными и безопасными дорогами.

Земледѣліемъ тогда предки наши мало занимались, нужду же свою въ насущномъ хлѣбѣ удовлетворяли звѣриною ловлею и скотоводствомъ. Понятно, что

при такихъ условіяхъ они были въ постоянной борьбѣ, и врагами, и союзниками ихъ были, лѣсъ, дикіе звѣри, вѣтеръ, вода, солнце и домашнія животныя. Съ одними изъ нихъ человѣкъ постоянно боролся, другихъ умилоствлялъ, изъ третьихъ извлекалъ для себя пользу.

Непроходимыя лѣсныя чащи, горы и овраги, куда часто человѣкъ не могъ проникнуть или проникалъ съ трудомъ, съ опасностью жизни, считались поэтому заколдованными, постояннымъ жилищемъ нечистой силы, и вотъ темный человѣкъ, заранѣе уже проникнутый ужасомъ къ этимъ мѣстамъ, представляетъ себѣ эту нечистую силу въ видѣ лѣшаго, вѣдьмы и т. д.

Напуганный какимъ-либо случайнымъ обстоятельствомъ; звѣремъ, крикомъ птицы, падающимъ деревомъ, темный умъ его не въ силахъ былъ отрѣшиться отъ страха и ужаса къ этимъ мѣстамъ, онъ не въ силахъ былъ побѣдить свой предрассудокъ, и вотъ онъ начинаетъ умилоствлять воображаемую нечистую силу, приноситъ ей жертвы, съ различными церемоніями и обрядами—заговариваетъ себя отъ разныхъ препятствій, представляемыхъ единственно природою, но, по его мнѣнію, происходящихъ отъ нечистой силы.

Тоже самое съ нашими предками было и на рѣкахъ: рѣчные пороги и водовороты, причинявшіе часто гибель утлому челну человѣка, наступившая слу-

чайно, во время плаванія у опаснаго мѣста, буря, наконецъ собственная неосторожность—непремѣнно было дѣйствиємъ, въ глазахъ темнаго человѣка, нечистой силы, и вотъ воображеніе его создаетъ различныхъ чудовищъ, въ видѣ водянаго, русалокъ и т. п. Онъ также начинаетъ умиловать ихъ различными, по его мнѣнію дѣйствительными, противъ злаго дѣйствія ихъ, жертвоприношеніями съ различными обрядами и заклинаніями.

Эти суевѣрныя преданія о лѣшемъ, водяномъ, русалкахъ и т. п. чудовищахъ, населяющихъ будтобы лѣса, горы, овраги и рѣки, сохранялись въ семействахъ и передавались отъ поколѣнія къ поколѣнію, съ различными добавленіями, и вотъ такимъ образомъ создавалось у простаго народа понятіе о присутствіи въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ нечистой силы, въ образѣ лѣшаго, водянаго, русалки, вѣдьмы и, наконецъ, домоваго.

Къ несчастію, эти вѣрованія въ несуществующее и въ настоящее время у многихъ изъ простыхъ людей еще настолько сильны, что я счелъ долгомъ побесѣдовать объ этихъ заблужденіяхъ, происходящихъ единственно отъ полнаго невѣдѣнія, какъ начальнаго происхожденія этихъ предрасудковъ, такъ и отъ неразумнаго непониманія самыхъ обыденныхъ вещей.

Мнѣ не разъ случалось въ различныхъ мѣстахъ

нашего отечества, бесѣдовать и въ селахъ, и въ городахъ по поводу этихъ вѣрованій—и люди, по видимому здравые, увѣряли меня въ существованіи у нихъ лѣшаго въ лѣсу; но на вопросъ: „да ты-то самъ видѣлъ ли его?“ оказывалось: „Не, что вздоръ говорить-то, я-то не видѣлъ, а вотъ дядя Антипъ, такъ доподлинно все, какъ есть, видѣлъ: высокій-превысокій такой, бѣлесоватый, и такъ зычно въ ладоши хлопалъ.“ Спрашивалъ дядю Антипа, и оказывалось, что самъ-то дядя Антипъ хотя и не видѣлъ, но что тетка Хавронья видѣла, и вся деревня про это знаетъ. Обращаюсь къ теткѣ Хавроньѣ, и оказывается, что сама она, тетка Хавронья, хотя тоже не видѣла, а покойникъ, ея дядя Ѳедоръ, Царство ему Небесное, былъ однажды въ сосѣдней деревнѣ на свадьбѣ, и правда хотя былъ сильно хмѣленъ, такъ что и соснулъ подъѣзжая къ дому, но сказывалъ, что какъ проѣзжалъ черезъ Волчій Боръ, то все, какъ есть, видѣлъ: высокій—высокій такой и бѣлесоватый, и зычно въ ладоши хлопалъ.

Приведу вамъ, въ подтвержденіе всей безсмысленности подобныхъ разсказовъ, о присутствіи нечистой силы въ разныхъ образахъ еще нѣсколько, которые еще разъ подтвердятъ, что лѣшіе, водяные, русалки и домовые существуютъ лишь въ воображеніи темныхъ людей, и что настоящіе очевидцы этихъ страшныхъ для

нашихъ предковъ воображаемыхъ враговъ, оказываются, что или они были черезъ-чуръ хмѣльны, или соснувши были, или слышали, подобно дядѣ Антипу, который, въ свою очередь, слышалъ отъ тетки Хавроньи, и т. д.

На полянѣ, у опушки лѣса, въ жаркую лѣтнюю пору, сидятъ нѣсколько мальчиковъ и стерегутъ табунъ лошадей, которыхъ во многихъ деревьяхъ выгоняютъ на-ночь кормится въ поле, такъ какъ днемъ мухи и оводы, недали-бы имъ покоя. Мальчишки ведутъ между собою бесѣду у разложеннаго огня, на которомъ варятся картошки.

— Вы, вѣдь, знаете Гаврилу, слободскаго плотника? говоритъ одинъ изъ нихъ, Костя.

— Ну да, знаемъ.

— А знаете ли, отчего онъ такой все невеселый, все молчить, знаете? Вотъ отчего онъ такой не веселый: пошелъ онъ разъ, тятенька мнѣ говорилъ, — пошелъ онъ, братцы мои, въ лѣсъ по орѣхи. Вотъ, пошелъ онъ въ лѣсъ по орѣхи, да и заблудился; зашелъ — Богъ знаетъ куда зашелъ. Ужъ онъ ходилъ, ходилъ, братцы мои — нѣтъ! не можетъ найти дороги: а ужъ ночь на дворѣ. Вотъ и присѣлъ онъ подъ дерево, давай, молъ, дождусь утра, — присѣлъ и задремалъ. Вотъ задремалъ, и слышитъ вдругъ, кто-то его зо-

веть. Смотрить—никого. Онъ опять задремалъ: опять зовутъ. Онъ опять глядитъ, глядитъ онъ, а передъ нимъ на вѣткѣ русалка сидитъ, качается, и его къ себѣ зоветъ, а сама помираетъ со смѣху, смѣется... А мѣсяць-то свѣтитъ сильно, такъ сильно, явственно свѣтитъ мѣсяць,—все, братцы мои, видно. Вотъ зоветъ она его, и такая вся сама свѣтленькая, бѣленькая, сидитъ на вѣткѣ, словно плотичка какая, или пескаръ,—а то вотъ еще карась бываетъ такой бѣлосоватый, серебряный... Гаврила-то плотникъ такъ и обмеръ, братцы мои, а она—знай хохочетъ, да его все къ себѣ эдакъ рукой зоветъ, Ужъ Гаврило-было и всталъ, послушался—было русалки, братцы мои, да знать, Господь его надумилъ; положилъ-таки на себя крестъ... А ужъ какъ ему было трудно крестъ влать, братцы мои! говорить: рука—просто, какъ каменная, не ворочается... Вотъ, какъ положилъ онъ крестъ, братцы мои, русалочка-то и смѣяться перестала, да вдругъ какъ заплачетъ... Плачетъ она, братцы мои, глаза волосами утираетъ, а волоса у нея зеленые, что твоя конопля. Вотъ, поглядѣлъ, поглядѣлъ на нее Гаврила, да и сталъ ее спрашивать: „чего ты, лѣсное зелье, плачешь“? А русалка—то какъ взговорить ему: „некреститься-бы тебѣ“, говорить, человекъ, жить бы тебѣ со мной на веселіи, до конца дней;

а плачу я, убивалось оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду, убивайся-же и ты до конца дней! Тутъ она, братцы мои, пропала, а Гаврилъ тотчасъ и понятно стало, какъ ему изъ лѣсу, то есть, выйти... А только съ тѣхъ поръ вотъ онъ все невеселый ходить.

— Твой батька это самъ тебѣ рассказывалъ? спросилъ другой мальчикъ.

— Самъ, я лежалъ на полатяхъ, все слышалъ.

— Чудное дѣло! Чего ему быть невеселымъ?

— А знатъ онъ ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! сказалъ третій мальчикъ, какъ же! Защекотать она его хотѣла: вотъ что она хотѣла. Это ихнее дѣло, этихъ русалокъ-то!

Въ приведенномъ мною рассказѣ опять нѣтъ на лицо настоящаго очевидца событiя, а передается рассказъ мальчикомъ — Костей, со словъ тятеньки, слышанныхъ имъ тоже отъ кого-нибудь.

Невеселость плотника Гаврилы приписывается воображаемому видѣнiю русалки, тогда какъ изъ самаго рассказа видно, что плотникъ Гаврила, собирая орѣхи, зашелъ далеко, утомился, сбился съ дороги и, видя что уже стемнѣло, а до дому скоро не доберешься, присѣлъ и, задремавъ, заснулъ, а слѣдовательно все что онъ видѣлъ, было не на яву, а во снѣ. Сны-же,

какъ извѣстно, чаще происходятъ отъ извѣстныхъ, ранѣе нами полученныхъ впечатлѣній, т. е. во снѣ мы большею частію видимъ то, о чемъ думаемъ или что слышимъ или слышали. Понятно, что и плотнику Гаврилѣ, постоянно слышавшему рассказы про русалокъ, лѣшихъ и домовыхъ, могло присниться что-нибудь подобное. И вотъ, рассказавъ пріятелямъ свой сонъ, суевѣрный Гаврило начинаетъ о немъ думать все чаще и чаще и, мнительный отъ природы, воображаетъ, что все это было съ нимъ не сонъ, а наяву. Вотъ причина его невеселости, могущая довести его или до помѣшательства, или даже и до смерти. Много извѣстно случаевъ, что совершенно здоровые люди, вслѣдствіи мнительности, начинаютъ воображать себя больными и дѣйствительно наконецъ заболѣваютъ и умираютъ.

А вотъ и еще рассказъ про нечистую силу, въ видѣ оборотня.

..... слышали вы, ребята, началъ Ильюша, что намеднись у насъ на Варнавицахъ приключилось?

— На плотинѣ-то? спросилъ Оеда.

— Да, да, на плотинѣ, на прорванной. Вотъ ужъ нечистое мѣсто, такъ нечистое, и глухое такое! Кругомъ все такіе буераки, овраги, а въ оврагахъ змѣи водятся...

— А вотъ что случилось. Ты, можетъ быть, Одея, не знаешь, а только тамъ у насъ утопленникъ похороненъ; а утопился онъ давнымъ-давно, какъ прудъ еще былъ глубокъ; только могилка его еще видна, да и та чуть-видна: такъ бугорочекъ..... Вотъ, на дняхъ заветъ прикащикъ псаля Ермилу, говоритъ: ступай, можь, Ермилъ на пошту. Ермилъ у насъ за- всегда на пошту ѳздить; собакъ-то онъ всѣхъ своихъ поморилъ; не живутъ оцѣ у него отчего-то, такъ-таки никогда и не жили, а псаля онъ хорошій, всѣмъ взялъ. Вотъ поѳхаль Ермилъ за поштой, да и замѣштался въ городѣ, но, а ѳдетъ назадъ ужъ хмѣленъ. А ночь, и свѣтлая ночь: мѣсяцъ свѣтитъ!... Вотъ и ѳдетъ Ермилъ черезъ плотину: такая ужъ дорога вышла, ѳдетъ онъ, эдакъ, псаля Ермилъ, и видитъ: у утопленника на могилѣ барашекъ бѣлый такой, кудрявый, хорошенкій похаживаетъ. Вотъ и думаетъ Ермила: сѣмъ возьму его, — что ему такъ пропадать, да и слѣзъ, взялъ его на руки..... Но, а барашекъ — ничего. Вотъ ѳдетъ Ермилъ къ лошади, а лошадь отъ него тарашится, храпиль, головой трясеть, онъ ее отпрукаль, сѣлъ на нее съ барашкомъ и поѳхаль опять: барашка передъ собою держиль. Смотриль онъ на него, и барашекъ ему прямо въ глаза такъ и глядиль. Жутко ему стало, Ермилу-то псаля, что, можь, не помню

я, чтобы эдакъ бараны кому въ глаза посмотрѣли; однако ничего, онъ его эдакъ по шерсти гладить, — говорить: „бяша, бяша“! А баранъ-то вдругъ какъ оскалить зубы, да ему тоже: „бяша, бяша!“

Изъ этого разсказа видно, что воображаемое видѣніе нечистой силы (оборотня) въ видѣ барашка, опять случилось съ хмѣльнымъ человѣкомъ, ночью и въ такомъ мѣстѣ, которое народный передразудокъ, по преданію, считаетъ присутствіемъ нечистой силы, такъ какъ тамъ, когда-то, въ пруду утонулъ человѣкъ, который и похороненъ близъ этого пруда. Человѣку съ здравымъ разсудкомъ, конечно не представится ничего сверхъестественнаго въ томъ, что можно утонуть въ глубокомъ прудѣ, тѣмъ болѣе, что утонуть, или вѣрнѣе захлебнуться, можно и въ лужѣ, а суевѣрные люди и въ этомъ весьма обыденномъ случаѣ видятъ уже сверхъестественное дѣйствіе нечистой силы.

— А вотъ и еще разсказъ про лѣшаго, какъ представляютъ его себѣ темные люди, — посмотримъ, на сколько въ этомъ представленіи есть сколько-нибудь здраваго смысла.

— Лѣшій не кричитъ, онъ нѣмой, говоритъ мальчикъ Ильюша, бесѣдуя съ товарищами:—онъ только въ ладоши хлопаетъ, да трещитъ.

— А ты его видалъ, лѣшаго-то, что ли? насмѣшливо перебываетъ его Оеда.

— Нѣтъ не видалъ, и сохрани Богъ его видѣть, — но, а другіе видѣли. Вотъ на дняхъ онъ у насъ мужичка обошелъ: водилъ, водилъ его по лѣсу, и все вокругъ одной поляны едва-те къ свѣту домой добился.

— Ну, и видѣлъ онъ его?

— Видѣлъ. Говорить: такой стоитъ большой темный, скутанный эдакъ, словно за деревомъ... хорошенько не разберешь, словно отъ мѣсяца, прячется, и глядеть глазами-то, моргаетъ ими, моргаетъ....

— Эхъ ты! воскликнулъ Оеда, слегка вздрогнувъ плечами. — Пфу!

— И зачѣмъ эта погань въ свѣтѣ развелась? замѣтилъ Павелъ. — Не понимаю.

— Не бранись: смотри услышать, — замѣтилъ Илья.....

Настало молчаніе. На мальчиковъ напалъ суетвѣрный страхъ....

Каждому здоровому человѣку ясно бросается въ глаза вся нелѣпость образа лѣшаго, видимая, такъ сказать, изъ самыхъ словъ разскащика: „Лѣшій не кричить, онъ нѣмой“, говоритъ Ильюша, онъ только въ ладоши хлопаетъ, да трещить! Конечно нѣмой, большой, темный, словно за деревомъ отъ мѣсяца прячется.

Ясно, что освѣщенное мѣсяцемъ дерево принято за лѣшаго, трескъ обломившагося сучка, повторенный лѣснымъ эхомъ, принять за трескъ и хлопанье въ ладоши лѣшаго, а морганіе глазами есть не болѣе какъ переливъ лучей мѣсяца на деревѣ, принятомъ за лѣшаго.

Человѣческому уму врождено влеченіе ко всему чудесному и таинственному: это было во все времяна, у всеѣхъ народовъ, съ самыхъ отдаленныхъ вѣковъ. Человѣкъ видѣлъ себя окруженнымъ множествомъ вещей и явленій, которыхъ сущности и причинъ онъ не умѣлъ себѣ объяснить, и невольно приписывалъ ихъ сверхъестественной силѣ, злomu или добромu духу.

Не понимая явленій, понятныхъ просвѣщенному уму, онъ привыкалъ ихъ бояться. Поэтому у всеѣхъ первобытныхъ народовъ, какъ это намъ извѣстно изъ исторіи, все явленія приписываются непременно вліянію духовъ, т. е. все непонятное необразованному человѣку, казалось ему чудеснымъ, сверхъестественнымъ, причинялось существами и силами не нашего земнаго естества, а инаго міра.

Понятно, что съ развитіемъ и образованностью народовъ, просвѣтлялся и взглядъ народовъ, и многія явленія, считавшіяся прежде чудесными, перестали казаться ему сверхъестественными.

Русскіе люди также заплатили крупную дань различныхъ суевѣрнымъ заблужденіямъ и предразсудкамъ. До введенія христіанства, заблужденія эти поддерживали жрецы, которые, кромѣ служенія своимъ богамъ-идоламъ, были въ то же время и волхвами-кудесниками. Они неохотно уступали вводимому у насъ великими князьями христіанству и различными обманами и ложными сношеніями своими съ нечистой силою поддерживали суевѣрія и невѣжество въ народѣ.

Даже съ введеніемъ христіанства невѣжественный народъ много вѣковъ еще сохранялъ старинныя заблужденія: лѣшіе, русалки, колдуны, вѣдьмы, оборотни, яга - баба, упыри, вурдалакъ, долго пользовались общою довѣренностію. Мало того: болѣзни врачевали заговорами и заклинаніями, многіе языческіе обряды сохраняли будучи христіанами, и грустно, что еще и досихъ поръ вѣра въ эти заблужденія не вполнѣ утратилась.

Разскажу вамъ, какъ поддерживались и распространялись эти нелѣпныя заблужденія.

Въ 1071 году явился въ Кіевѣ волхвъ, который сказывалъ народу, что Днѣпръ скоро потечетъ вверхъ и всѣ земли переиждутся, что Греція будетъ тамъ, гдѣ Россія, а Россія тамъ, гдѣ Греція. Невѣжды вѣрили, а благоразумные надъ нимъ смѣялись, говоря

ему, чтобы онъ самъ берегся. Человѣкъ этотъ, говоритъ историкъ, пропалъ въ одну ночь безъ вѣсти.

Около того-же времени сдѣлался въ Ростовской области голодъ. Два кудесника, или обманщика, жители Ярославля, ходили по Волгѣ, и въ каждомъ селеніи объявляли, что бабы причиною всего зла и скрываютъ въ самихъ себѣ хлѣбъ, медь и рыбу. Люди приводили къ нимъ матерей, сестеръ, женъ; а мнимые волхвы, будто бы надрѣзывая имъ плеча и высыпая изъ своего рукава жито, кричали: „видите, что лежало у нихъ за кожей!“ Они убивали съ своею шайкою невинныхъ женщинъ, грабили имѣніе богатыхъ, но наконецъ были пойманы вельможей князя Святослава, Яномъ Вышатинымъ; которому говорили, чтобы онъ представилъ ихъ князю Святославу..... „а если умертвишь,“ говорили кудесники, „то будешь несчастливъ.“ Смѣясь надъ ихъ угрозою, вельможа Янъ велѣлъ ихъ повѣсить на дубу, какъ государственныхъ преступниковъ и бунтовщиковъ.

Въ Новгородѣ одинъ изъ такихъ кудесниковъ торжественно осуждалъ на площади вѣру христіанскую, бранилъ епископа и хотѣлъ идти пѣшкомъ черезъ Волховъ. Народъ слушалъ его, какъ человѣка божественнаго. Ревностный епископъ облачился въ свѣтитель-

сеія ризы, сталъ на площади и, держа крестъ въ рукахъ, звалъ къ себѣ вѣрующихъ христіанъ.

Но ослѣпленный, невѣжественный народъ толпился вокругъ обманщика: одинъ князь Глѣбъ и дружина его приложились къ св. кресту. Тогда Глѣбъ подошелъ къ мнимому чародѣю и спросилъ: вѣдаетъ ли онъ, что будетъ съ нимъ въ тотъ день? Волшебникъ отвѣтствовалъ: „я сдѣлаю великія чудеса.“ „Нѣтъ!“ сказалъ смѣлый князь—и топоромъ разсѣкъ ему голову. Обманщикъ палъ мертвый къ ногамъ его, и народъ увѣрился въ своемъ заблужденіи.

Вышіе изъ духовенства старались искоренить въ народѣ суевѣрную довѣренность къ колдунамъ, вѣдмамъ, знахарямъ и волхвованію. Такъ, 360 лѣтъ тому назадъ (въ 1460 году) Митрополитъ Фотій увѣщевалъ отрѣшиться отъ этихъ заблужденій въ посланіи своемъ къ Новгородцамъ.

Въ 1648 году царская грамота и Церей Сельвестръ (Домострой) строго запрещаютъ всякое сношеніе съ волхвами. Впрочемъ, противъ суевѣрныхъ заблужденій, разсѣять которыя можетъ только одно образованіе народа, принимались у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ, въ то грубое время строгія, жестокія мѣры. Такъ въ 1227 году, въ Новѣгородѣ были при-

ведены на архіерейскій дворъ четыре волхва и тамъ сожжены на кострѣ.

Въ началѣ 15 столѣтія, было сожжено въ Псковѣ десять *вѣщихъ-женокъ* колдуній. Многихъ, занимавшихся ворожбой и колдовствомъ, мужчинъ сожигали на кострахъ, а женщинъ зарывали въ землю по грудь, отчего онѣ умирали на другой или на третій день. Еще за 200 лѣтъ тому назадъ за чародѣйство и ворожбу ссылали въ дальнія мѣста и въ монастыри на покаяніе.

Изъ этого строгаго отношенія къ колдунамъ и чародѣямъ, будто-бы имѣвшимъ какія-либо сношенія съ нечистой силой, видно, что вѣрили по невѣдѣнію въ это и тѣ, которые присуждали ихъ къ жестокимъ казнямъ и ссылкамъ.

Они вѣрили, къ стыду своему, что колдуны и вѣдьмы дѣйствительно заключаютъ съ дьяволомъ договоръ, продавая ему свою душу. Договоръ этотъ, будто бы скрѣпляютъ записью, написанною кровью *).

Они вѣрили, что колдуны творятъ все чудесное и страшное силою, данною имъ отъ сатаны; что они и властелины и вмѣстѣ рабы нечистой силы, и могутъ повелѣвать ею, но нечистая сила требуетъ отъ нихъ

*) Даль, Иллюстр. годъ, I, стр. 184.

безпрестанной работы; если же колдунъ не прищеть для нея занятія, то она замучить его. Поэтому-то вѣрили, что колдуны заставляли чертей вить веревки изъ песку и воды и придумывали другія невыполнимыя вещи.

Вѣрили, что черти кружатся въ вихряхъ, и если въ средину внезапно поднявшагося вихря, воткнуть ножъ, то дьяволъ въ немъ кружащійся застонеть и побѣжить собакою или кошкою.

Вотъ какъ это народное повѣрье описано А. С. Пушкинымъ:

„Вьюга злится, вьюга плачетъ;

.
Кони чуткіе храпятъ;

Вижу: духи собралися

Средь бѣлѣющихъ равнинъ,

Безконечны, безобразны

Въ мутной мѣсяца игрѣ

Закружились бѣсы разны,

Будто листья въ ноябрѣ....

Сколько—ихъ! Куда ихъ гонять?

Что такъ жалобно поютъ?

Домоваго ли хоронятъ,

Вѣдму-ль замужъ выдають?

Мчатся тучи, вьются тучи;

Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна,
Мчатся бѣсы, рой за роємъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воємъ
Надрывая сердце мнѣ.“

Кромѣ того, вѣрили, что колдуны любятъ оборачиваться въ собакъ и кошекъ и что дьяволъ, заключивъ условіе съ колдуномъ, выдаетъ ему за его душу *черную книгу*, *) помощію которой онъ можетъ вызывать нечистую силу и повелѣвать ею. Книга эта передавалась по наслѣдству отъ колдуна—отца, къ колдуну—сыну. Если кто даже случайно прочтетъ эту книгу, то ему явятся черти съ требованіями работы.

Для заклинаній нечистой силы приносили въ жертву черную кошку и черного пѣтуха. Съ этими животными даже зарывали вѣдьмъ въ землю.

По мнѣнію нашихъ простодушныхъ предковъ, колдуны и вѣдьмы, какъ я сказалъ вамъ ранѣе, творили

*) Такія книги называли: Волховникъ, Чаровница, Мысленникъ, Колодница, Громникъ, Острологъ, Острономія или Звѣздочетіе, Путникъ (кн. о значеніи встрѣчъ) Воронорай (значеніе полета птицъ). Шестокрымъ, Аристотель, Рафли и др.

всякое зло людямъ: насылали голодъ, болѣзни, выпускали моръ, отводили глаза, отнимали у животныхъ и людей плодородіе. Они портили молодыхъ на свадьбѣ, посылали бѣсовъ на людей и, испорченные такимъ образомъ, (кликуши) кликали на разные голоса, метались, корчились судорогами и другимъ образомъ, что, по мнѣнію простодушныхъ людей, свидѣтельствовало о присутствіи въ нихъ бѣса.

Попробую объяснить вамъ, насколько во всемъ этомъ было въ сверхестественнаго и насколько разумны были вѣрованія въ сверхестественную силу колдуновъ и въ ихъ будто бы близкія сношенія съ нечистой силой. Вы уже знаете, какой употребляли обманъ колдуны въ Ярославлѣ, говоря, что причиною голода бабы; въ такомъ же родѣ были ихъ дѣйствія и въ другихъ случаяхъ.

Кликуши, въ настоящее время извѣстныя вѣроятно многимъ изъ васъ, — такъ какъ встрѣтить ихъ побольшей части въ деревняхъ и теперь можно; въ городахъ же ихъ чаще можно найти въ больницахъ, да въ домахъ умалишенныхъ, — ни какихъ бѣсовъ въ себѣ не заключаютъ, а суть не болѣе, какъ больныя, страдающія падучею или другою нервною болѣзнію, непонятною для простаго, необразованнаго человѣка. Болѣзнь эта сопровождается бредомъ, корчами и пѣною на гу-

бахъ. Болѣзнь эта появляется вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, какъ и всѣ другія болѣзни; но болѣзненныя явленія, подобныя разсказаннымъ мною, могутъ производить и нѣкоторыя травы и растенія; но злоупотребленіе колдунами этими травами уже ни въ какомъ случаѣ не будетъ участіемъ нечистой силы, а просто преступнымъ злоупотребленіемъ.

Имѣются свѣдѣнія, что колдуны и преимущественно колдуньи, желавшіе присутствовать на шабашахъ, а въ дѣйствительности видѣть нѣчто подобное во снѣ, ложась въ постель, намазывались мазью, составъ которой намъ теперь довольно хорошо извѣстенъ. Въ эту мазь входили слѣдующія, возбуждающія одурѣніе и различныя видѣнія, травы: аконитъ или борець, красавица, бѣлена, чемерица, дурманъ и другія.

Намазавшійся такою мазью погружался въ глубокой сонъ, исполненный страшныхъ грезъ, и воображалъ, что онъ верхомъ на помѣлѣ или ухватѣ, отправляется на шабашъ. Тамъ ему представлялся дьяволъ, въ образѣ чернаго возла, сидящій на камнѣ или гнѣщемъ пнѣ.

Случалось впрочемъ, что злой духъ являлся въ образѣ мушины весьма высокаго роста, съ черными волосами, одѣтымъ въ черный и красный цвѣта; иногда ноги его обанчивались не ступнями, а копытами.

Предъ козломъ совершалось поклоненіе съ разными мерзостными обрядами. Потомъ начиналась пляска людей съ демонами, составлявшими свиту дьявола, большинство которой являлось въ видѣ волковъ, козловъ, жабъ, змѣй и разныхъ гадовъ. Посѣтитель мнимаго шабаша просыпался утромъ, измученный въ своей постелѣ, съ которой, понятно, не куда и же сходилъ, а видѣлъ все это во снѣ, вслѣдствіе возбуждающаго дѣйствія мази.

По народному повѣрью, шабаша эти преимущественно совершаются съ пятницы на субботу, и главный, особенно важный, шабашъ праздновался въ ночь на Ивановъ день, или на день Ивана-Купалы.

Если упорнымъ пьяницамъ не хотящимъ сдерживать своей пагубной страсти, грезятся черти, отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, то вамъ понятво будетъ и возбуждающее дѣйствіе названныхъ мною выше травъ, гораздо сильнѣйшее вина.

Зная дѣйствіе подобныхъ травъ, давно извѣстное нашимъ докторамъ и ученымъ людямъ, обманщики, прикрывались грознымъ для простаго человѣка именемъ колдуна, изъ собственныхъ выгодъ; давали эти травы въ разныхъ видахъ и тѣмъ поддерживали въ простомъ народѣ страхъ къ себѣ и вѣру въ свои сношенія съ нечистой силой. Ученымъ людямъ—докто-

рамы извѣстны и такія травы, которыя могутъ лишать животныхъ и людей плодородія. Очень возможно, что колдуны, знахари и знахарки, зная дѣйствіе этихъ травъ, портили молодыхъ, подсылая ихъ въ питье и пищу. Въ обоихъ случаяхъ видны лишь обманья и преступныя дѣйствія, а нѣтъ никакого сношенія съ нечистою силой, которою любятъ прикрываться названные мною обманщики и обманщицы; и теперь еще простой народъ, къ несчастію, обращается въ своихъ недугахъ къ знахарямъ и знахаркамъ и за свое довѣріе жестоко платится за это. Часто бываетъ, что знахарь и знахарка, не зная дѣйствія какой-либо травы и дѣйствительно желая помочь обратившемуся къ нимъ за излеченіемъ отъ недуга, дадутъ траву, которая вмѣсто облегченія производитъ совершенно обратное дѣйствіе, награждаетъ новой какой-либо неизлечимой болѣзнию, а часто и смертью. Примѣровъ тому весьма много.

Грустно подобное невѣдѣніе простыхъ людей, которое конечно скоро исчезнетъ, такъ какъ ученье и грамота начинаютъ проникать въ самыя отдаленныя уголки нашей родины, и простой народъ съ охотою посылаетъ своихъ дѣтей въ школы, но встарину такъ и знатные люди вѣрили въ сверхъестественную силу колдуновъ, знахарей и знахарокъ.

Вотъ что говорится въ сохранившихся по настоящее время дѣлахъ о колдунахъ.

При Царѣ Михайлѣ Ѳедоровичѣ была отправлена въ Цсковъ грамота съ запрещеніемъ покупать у Литовцевъ хмѣль, потому что посланные за рубежь лазутчики объявили, что есть на Литвѣ *баба-вѣдунья*, наговаривающая на хмѣль, съ цѣлю павести чрезъ это на Русь моровое повѣтріе.

Въ 1680 году одинъ подсудимый объявилъ, что ему положили вязокъ травы въ кабакѣ, когда онъ былъ пьянъ до безпамятства. Его пытали, и потомъ били батогами, чтобъ впредь было неповадно.

Ближняго боярина при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, Артамона Сергѣевича Матвѣева, врачи обвинили въ чародѣйствѣ. По этому доносу, Матвѣевъ былъ сосланъ въ заточеніе въ Пустозерскій острогъ, съ отнятіемъ у него боярскаго сана и всѣхъ имѣній. И такъ вы видите, что вѣра въ чародѣйство была сильна и въ высшемъ сословіи, въ которомъ только съ воцареніемъ Петра Великаго, этого великаго просвѣтителя нашего, стала ослабѣвать *).

*) Въ воинск. уставѣ 1716 г. сказано, что если кто изъ воиновъ будетъ чернокнижникъ, заговорщикъ ружья и богохульный чародѣй, то наказывать его шпицрутеномъ и заключеніемъ въ желѣзахъ или сожженіемъ и что сожженіе есть обычная казнь чернокнижниковъ, входящихъ въ обязательства съ дьяволомъ.

Въ наше время законъ уже не преслѣдуетъ волшебство, какъ химеру, какъ несуществующее, и колдуны, знахари и знахарки преслѣдуются только за свои обманы и мошенническія продѣлки, да за вредъ, причиняемый своимъ невѣжественнымъ леченіемъ, а не за мнимыя сношенія съ нечистою силою, которыхъ въ дѣйствительности никогда не было, да и не могло быть.

Какъ вы уже знаете, въ старину вѣрили въ сношенія колдуновъ съ нечистою силою и знатные люди, и простой народъ. Колдуновъ подвергали допросу и пыткѣ. Вслѣдствіе чего они или умирали еще во время пытки отъ страшныхъ мученій и, желая избавиться отъ нихъ, наговаривали на себя по требованію судей, что имъ желалось, и тогда ихъ, какъ сознавшихся въ сношеніяхъ съ нечистою силою, казнили, сожигая на кострахъ.

Кромѣ того, народъ противъ вліянія колдуновъ употреблялъ различныя заклинанія и заговоры, которые были, конечно, такъ же дѣйствительны, какъ и самыя сношенія колдуновъ съ нечистою силою. Въ нихъ просили защиты „отъ бабьихъ вазоръ, отъ хитраго чернокнижества, отъ заговорнаго кудесника, отъ старухи-вѣдуньи, отъ вѣдмы кievской и отъ сестры ея муромской“.

Противъ колдуновъ и вѣдьмъ употреблялись травы: крапива, чернобыльникъ и плакунъ.

Часто призывали однихъ колдуновъ для противодѣйствія другимъ. По народному повѣрью 18 января у вѣдьмъ бываетъ праздникъ, и потому призывали знахаря, ровно въ полночь, заговорить трубы; забить подъ князекъ колъ и насыпать на загнеткѣ золу изъ семи печей; все это дѣлалось съ цѣлью отворотить пакости разгулявшихся колдуній.

По ночамъ, по народному преданію, вѣдьмы, расчесавъ по плечамъ волосы, садятся на помело, ухватъ или кочергу, и уносятся на шабашъ на Лысую гору или Чортово беремище, близъ Кіева.

Извѣстны четыре пѣсни, которыя вѣдьмы поютъ на шабашѣ. Существуетъ въ народѣ повѣрье, будто-бы одни колдуны, да вѣдьмы знаютъ эти пѣсни и помощію ихъ пріобрѣтаютъ богатство. Вѣдьмы по ночамъ варятъ въ горшкѣ травы и зелья и когда взваръ закипитъ, то сами улетаютъ въ трубу съ паромъ и дымомъ.

Обыкновенно варятъ для этого *шалфей*, *руту*, и терличъ; послѣдняя трава, по народному повѣрью, необходима для *превращеній вѣдьмъ*. Трава *прикрытъ* употреблялась на свадьбахъ для охраненія молодыхъ; *плакунъ* и папоротникъ смиряютъ нечистую

силу, а *папоротниковый цвѣтъ* указываетъ мѣста кладовъ; *дрема* наводитъ вѣщіе сны, предсказывающіе будущее; *травя-одоленъ* одолеваетъ всякое зло и чары. Травы эти собирались въ ночь на Ивана-Купалу (Ивановъ день), въ которую разъ въ годъ будто-бы разцвѣтаетъ папоротникъ огненнымъ цвѣтомъ.

Всѣ эти суевѣрныя заблужденія теперь вызываютъ лишь одну улыбку, но 150—200 лѣтъ тому назадъ предки наши вѣрили во все это. По народному повѣрью, вѣдьмы и колдуны могутъ еще превращать какъ самихъ себя, такъ и другихъ людей въ разныхъ животныхъ. По смерти нѣкоторые колдуны встаютъ изъ могилы и сосутъ кровь у спящихъ живыхъ людей, такъ что послѣдніе чахнутъ и умираютъ, а по смерти сами дѣлаются *упырями*, т. е. занимаются тѣмъ же, чѣмъ и умершіе колдуны надъ живущими.

Если открыть могилу упыря, говоритъ народное повѣрье, то тѣло его находится совершенно свѣжимъ, румянымъ, съ кровью на губахъ и въ ушахъ, а иногда совершенно плавающимъ въ крови. Известно, что большая или меньшая свѣжесть трупа зависитъ отъ рода болѣзни и въ проявленіи этвй свѣжести у умершаго нѣтъ ничего сверхестественнаго.

Вотъ такой-то полуживой трупъ, по народному повѣрью, нужно или сжечь, или, положивъ ничкомъ,

убить ему осиновый колъ между лопатками, послѣ этого упырь не приходитъ уже болѣе тревожить живыхъ. Упырь, по народному повѣрью, зовется еще вурдалакомъ.

Прочитаю вамъ стихотвореніе Пушкина, чрезвычайно вѣрно изображающее суевѣрный страхъ темныхъ людей къ мнимому существующему лишь въ воображеніи, вурдалаку-упырю:

Трусовать былъ Ваня бѣдный:
Разъ онъ, позднею порой,
Весъ въ поту, отъ страха блѣдный,
Черезъ кладбище шелъ домой.
Бѣдный Ваня еле-дышитъ;
Спотыкаясь, чуть-бредеть
По могиламъ вдругъ онъ слышитъ
Кто-то кость, ворча, грызеть.
Ваня сталъ — шагнуть не можетъ.
„Боже! думаетъ бѣднякъ:
Это, вѣрно, кости гложетъ
Красногубый вурдалакъ.
Горе! малый я несильный;
Съѣстъ упырь меня совсѣмъ.
Если самъ земли могильной
Я съ молитвою не съѣмъ.“

Что-же? Виѣсто вурдалака

(Вы представьте Вани злость)—

Въ темнотѣ предъ нимъ собака

На могилѣ гложетъ кость!..

По народному повѣрью, нечистая сила проявляется еще въ видѣ *оборотней*. Оборотнемъ назывались являющіеся съ того свѣта призраки умершихъ некрещенныхъ дѣтей, а также души младенцевъ, выкинутыхъ или заспанныхъ матерью, или похищенныхъ нечистою силою. Также души вѣроотступниковъ, лишенныхъ пристанища на томъ свѣтѣ и осужденныя блуждать по міру. Оборотень является предвѣстникомъ какой-либо бѣды, всегда мелькомъ, бѣгомъ или налету, съ крикомъ или воемъ; иногда катится клубкомъ, или проносится клочкомъ сѣна, или снѣжинкою. Оборотень мечется человѣку подъ ноги, перебѣгаетъ дорогу, перекидываясь то кошкою, то собакою, то ёжомъ, то совою, то пѣтухомъ, то камнемъ; въ лѣсу-же страшнымъ звѣремъ или чудовищемъ. Онъ рѣдко является днемъ, потому что любитъ сумерки и ночь.

Вѣра въ нечистую силу въ разныхъ образахъ и въ колдовство долго жила въ русскомъ народѣ послѣ того, какъ старинныя языческія преданія нашихъ простодушныхъ предковъ, изъ которыхъ она вытекала, измѣнили и утратили свою связь. И теперь она сохраняется въ простомъ народѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда

еще не проникла грамотность, а съ нею и тотъ свѣтъ ученья, который только и можетъ разсвѣять вѣковыя суевѣрныя заблужденія, порожденныя слабостью умовъ и легковѣріемъ людей.

Насколько во всѣхъ народныхъ преданіяхъ о явленіи нечистой силы въ различныхъ образахъ людямъ правдоподобнаго, я думаю, послѣ всего много сказаннаго, объясненія не требуется, такъ какъ здравый смыслъ говоритъ, что ничто не можетъ совершаться сверхъестественнымъ образомъ противъ законовъ природы, установленныхъ Всевышнимъ. Сверхъестественное же возможно лишь одному Богу.

Насколько былъ простъ народъ, погруженный въ суевѣрныя заблужденія, дававшій себя обманывать каждому проходивцу, то стоило только хитрому и злому человѣку сказать самую невѣроятную нелѣпость про участіе нечистой силы въ самомъ обыденномъ явленіи — ему вѣрили на слово — безъ всякой провѣрки, передавая рассказанное, съ новыми различными странными и нелѣпными добавленіями, въ свою очередь.

Не даромъ сложилась пословица: „ У страха глаза велики!“

Все непонятное темному уму казалось сверхъестественнымъ порожденіемъ нечистой силы. Такъ, на примѣръ, благодѣтельныя изобрѣтенія нашего времени, пароходы

и паровозы еще недавно считались въ простонародьи порожденіемъ нечистой силы, и самое ихъ движеніе приписывалось не силѣ пара, а нечистому духу, — и явились изобрѣтатели ихъ въ прежнее время, ихъ навѣрно-бы сочли за колдуновъ и сожгли живыми на кострѣ. Фотографы, изобрѣтатели телеграфовъ, фокусники, совершающіе различные опыты, на основаніи узнанныхъ законовъ и явленій природы, добытыхъ учеными людьми, непременно-бы были признаны за колдуновъ и сожжены.

Ученые люди устроили однажды приборъ такого рода. Въ четырехугольномъ ящикѣ поставили лампу, противъ которой съ одной стороны помѣстили вогнутое зеркало, а съ другой сдѣлали отверстіе, въ которое вставили трубку съ круглыми стеклами. Вставленная въ этотъ приборъ небольшая картинка, нарисованная на стеклѣ, давала чрезъ трубку свое изображеніе на стѣнѣ въ увеличенномъ размѣрѣ. Такой приборъ называли волшебнымъ фонаремъ, хотя все волшебство заключалось лишь въ стеклахъ, да въ зеркалѣ. Темные люди, видя на стѣнѣ изображеніе, называли это дьявольскимъ навожденіемъ. Приборъ этотъ еще недавно употреблялся различными фокусниками, съ разными приспособленіями, для вызова, такъ называемыхъ тѣней усопшихъ, и трудно бывало разубѣдить необразованнаго человѣка, что

туть все зависить не отъ нечистой силы, а лишь отъ остроумно — расположенныхъ въ приборѣ стеколь, да отъ свѣта лампы, проходящаго чрезъ нарисованную на стеклѣ картинку, которая въ увеличенномъ видѣ и изображается на стѣнѣ или полотнѣ. Слова: *морочить, глаза отводитъ* и теперь еще изрекаеть темный человѣкъ, смотря на различные опыты, весьма понятные человѣку образованному. Суевѣрный страхъ и въѣвшіеся въ плоть и кровь простаго необразованнаго народа различныя старинныя суевѣрныя преданія чаще всего объясняются, какъ я сказалъ ранѣе, пословицей „у страха глаза велики.“

Разскажу вамъ случай проявленія этой пословицы.

Еврей, по крайне-нужному дѣлу, шель чрезъ лѣсъ, и вотъ его застигла ночь. Думать было нечего, надо идти впередъ; но страхъ усиливался съ минуты на минуту: темнѣло все болѣе и болѣе, небо заволакивало тучами, и еврей былъ увѣренъ, что лѣсъ весь набитъ-биткомъ разбойниками. Смотрить: одинъ стоитъ передъ нимъ, вышелъ съ боку на дорогу и стоитъ; даже видно, что у него дубина на плечахъ.... Не долго думая, еврей рѣшается прибѣгнуть къ хитрости. „Слушай,“ сказалъ онъ: „не тронь меня, я тебя не боюсь: видишь, насъ двое.“ А самъ снялъ съ головы мохнатую шапку, надѣлъ ее на кулакъ и подвѣлъ ровень съ головой.

Разбойникъ молчитъ, ни слова-молчитъ да стоитъ. Еврей повторилъ нѣсколько разъ угрозу свою, но видя что она не беретъ, снялъ потихоньку и ермолку съ головы, наткнулъ ее на другой кулакъ, приподнялъ и сталъ увѣрять разбойника, что теперь и вовсе его не боится, потому что стоитъ передъ нимъ самъ-третей. „Видишь,“ повторялъ онъ: ну, видишь? говори-же, зачѣмъ ты молчишь? когда боишься, такъ поди прочь и дай намъ пройти!...“ Но все это не повело ни къ чему: разбойникъ молчалъ упорно и стоялъ на одномъ мѣстѣ, а жидъ самъ-третей—передъ нимъ. Наконецъ стало свѣтать, и жидъ, у котораго уже колѣни дрожали и зубъ не попадалъ на зубъ, вдругъ прищурился, поглядѣлъ, перевелъ духъ, надѣлъ ермолку и шапку, плюнулъ и пошелъ: передъ нимъ стоялъ пень, или, лучше сказать, онъ простоялъ всю ночь передъ пнемъ и съ нимъ разговаривалъ, и стращаль его шапкой и ермолкой.

Вотъ въ такомъ же родѣ разсудительны и храбры тѣ, которые воображаютъ всюду въ разныхъ образахъ нечистую силу, разсказываютъ, что видѣли ее въ образѣ лѣшаго, уныря, домоваго, русалки и т. п., тогда какъ, въ концѣ концовъ, всѣ эти чудовища окажутся или деревомъ, или собакой, грызущей кость, или просто лучемъ мѣсяца.

Конечно, всѣ эти видѣнія существуютъ только въ

воображеніи людей темныхъ, необразованныхъ, и по-
этому вся эта тьма, въ видѣ лѣшихъ, оборотней и т. д.,
скоро, и очень скоро, исчезнетъ, какъ только свѣтъ, —
свѣтъ ученья проникнетъ во всѣ уголки нашей вели-
кой и дорогой роины! „Ученье свѣтъ, а не ученье
тьма.“

К О Н Е Ц Ъ .